

**Управление систематизации законодательства и анализа судебной
практики Верховного Суда Российской Федерации**

**Обзор практики межгосударственных органов по
защите прав и основных свобод человека № 3 (2024)**

2024 г.

Содержание:

В сфере административно-правовых отношений4

вопросы обеспечения для лишенных свободы лиц надлежащих условий нахождения в местах принудительного содержания4

практика Комитета ООН по правам человека4

Дело «Анни Дабуси, Сами Дабуси и Сара Дабуси против Туниса». Соображения Комитета ООН по правам человека от 14 июля 2023 года. Сообщение № 3703/2020. Авторы указывали на нарушение государством-участником отдельных положений Пакта в отношении Джилани Дабуси, который был подвергнут произвольному и незаконному аресту и содержанию под стражей в бесчеловечных условиях и умер в тюрьме после недостойного обращения. Заявители утверждали, что государство-участник не выполнило свое позитивное обязательство по защите жизни Джилани Дабуси в нарушение пункта 1 статьи 6 Пакта, тем более что смерть наступила во время содержания под стражей человека, который на момент ареста был в добром здравии. Джилани Дабуси содержали под стражей в течение 30 месяцев с 11 октября 2011 года по 7 мая 2014 года и он ни разу не был вызван на судебное слушание в связи с выдвинутыми против него обвинениями. Комитет пришел к выводу, что представленные ему факты свидетельствовали о нарушении государством-участником пункта 1 статьи 6, статьи 7, пункта 1 статьи 9 и пункта 3 с) статьи 14 Пакта.5

Дело «Рахилхан Бизуруков против Кыргызстана». Соображения Комитета ООН по правам человека от 12 июля 2023 года. Сообщение № 3001/2017. Автор утверждал, что государство-участник нарушило права ее мужа в связи с тем, что медицинский персонал места принудительного содержания ее мужа не оказал ему надлежащей медицинской помощи, что привело к его смерти. Комитет установил, что представленная ему информация свидетельствовала о нарушении государством-участником прав мужа автора, предусмотренных пунктом 1 статьи 6 и пунктом 1 статьи 10 Пакта.8

практика Комитета ООН по правам инвалидов15

См. нижеприведенное дело *«С.М. против Дании»*. Соображения Комитета ООН по правам инвалидов от 25 августа 2023 года. Сообщение № 61/2019.15

право лица на уважение семейной (личной) жизни при нахождении в местах принудительного содержания16

практика Комитета ООН по правам человека16

См. вышеприведенное дело *«А.С. против Австралии»*. Соображения Комитета ООН по правам человека от 2 июля 2021 года. Сообщение № 2900/2016.16

В сфере уголовно-процессуальных отношений16

право лица на жизнь в аспекте проведения эффективного расследования смерти лица в местах принудительного содержания16

практика Комитета ООН по правам человека16

См. вышеприведенное дело *«Анни Дабуси, Сами Дабуси и Сара Дабуси против Туниса»*. Соображения Комитета ООН по правам человека от 14 июля 2023 года. Сообщение № 3703/2020.16

<i>право лица на свободу и личную неприкосновенность, в том числе в аспекте соблюдения разумных сроков содержания под стражей в ожидании приговора суда</i>	17
.....	17
практика Комитета ООН по правам человека	17
См. вышеприведенное дело « Анни Дабуси, Сами Дабуси и Сара Дабуси против Туниса ». Соображения Комитета ООН по правам человека от 14 июля 2023 года. Сообщение № 3703/2020.....	17
См. также вышеприведенное дело « А.С. против Австралии ». Соображения Комитета ООН по правам человека от 2 июля 2021 года. Сообщение № 2900/2016.....	17
 <i>право лица на справедливое судебное разбирательство в аспекте соблюдения разумных сроков судопроизводства</i>	17
.....	17
практика Комитета ООН по правам человека	17
См. вышеприведенное дело « Анни Дабуси, Сами Дабуси и Сара Дабуси против Туниса ». Соображения Комитета ООН по правам человека от 14 июля 2023 года. Сообщение № 3703/2020.....	17
 <i>применение принудительных мер медицинского характера</i>	18
.....	18
практика Комитета ООН по правам инвалидов	18
Дело « С.М. против Дании ». Соображения Комитета ООН по правам инвалидов от 25 августа 2023 года. Сообщение № 61/2019. Автор утверждал, что государство-участник нарушило его права, предусмотренные статьей 14 Конвенции о правах инвалидов, поскольку он был лишен свободы на основании психосоциальной инвалидности. Его приговорили к принудительному лечению без ограничения срока, в то время как лица, осужденные за то же преступление и не имеющие психосоциальной инвалидности, получают гораздо более короткий срок заключения. Заявитель сообщил, что государство-участник нарушило статью 15 Конвенции, поскольку во время его пребывания в психиатрической клинике его заставляли принимать определенные лекарственные препараты без его согласия. Автор заявил, что методы принудительного лечения психиатрических больных в государстве-участнике нарушают положения статьи 16 Конвенции, рассматриваемой в совокупности со статьей 4 Пакта. Автор утверждал, что его заставили принимать лекарственные препараты без его свободного согласия в нарушение статьи 17 Конвенции. Комитет счел, что государство-участник не выполнило свои обязательства по статьям 14 и 17 Конвенции, рассматриваемым в совокупности со статьей 25 Конвенции о правах инвалидов.....	18

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 3–33). Согласно подпункту «b» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека¹.

В сфере административно-правовых отношений

вопросы обеспечения для лишенных свободы лиц надлежащих условий нахождения в местах принудительного содержания²

практика Комитета ООН по правам человека³

¹ В рамках настоящего обзора понятие «межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека» охватывает международные договорные органы ООН, действующие в сфере защиты прав и свобод человека.

² **Для сведения:** в 2022 году в Верховном Суде Российской Федерации было актуализировано (по состоянию на 1 декабря 2022 года) *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2022 год раздела «Документы». Режим доступа:

URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/31960/.

³ Комитет ООН по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (далее – Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

Для сведения: в 2023 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлен *Перечень замечаний общего порядка (общих рекомендаций), принятых международными договорными органами ООН, действующими в сфере защиты прав и свобод человека, и касающихся толкования отдельных положений международных договоров Российской Федерации*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в

Дело «Анни Дабуси, Сами Дабуси и Сара Дабуси против Туниса».

Соображения Комитета ООН по правам человека от 14 июля 2023 года. Сообщение № 3703/2020. Авторы указывали на нарушение государством-участником отдельных положений Пакта в отношении Джилани Дабуси, который был подвергнут произвольному и незаконному аресту и содержанию под стражей в бесчеловечных условиях и умер в тюрьме после недостойного обращения. Заявители утверждали, что государство-участник не выполнило свое позитивное обязательство по защите жизни Джилани Дабуси в нарушение пункта 1 статьи 6 Пакта, тем более что смерть наступила во время содержания под стражей человека, который на момент ареста был в добром здравии. Джилани Дабуси содержали под стражей в течение 30 месяцев с 11 октября 2011 года по 7 мая 2014 года и он ни разу не был вызван на судебное слушание в связи с выдвинутыми против него обвинениями. Комитет пришел к выводу, что представленные ему факты свидетельствовали о нарушении государством-участником пункта 1 статьи 6, статьи 7, пункта 1 статьи 9 и пункта 3 с) статьи 14 Пакта.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 36 (2018) о праве на жизнь, в котором он пояснил, что на государствах-участниках лежит повышенная ответственность принимать все разумно необходимые меры для защиты жизни лиц, лишенных свободы, и что обязательство защищать жизнь всех задержанных лиц включает в себя обязательство предоставлять им необходимую медицинскую помощь и регулярно и надлежащим образом контролировать состояние их здоровья (пункт 7.2 Соображений).

Комитет напоминает о том, что лишение свободы допустимо лишь в тех случаях, когда оно осуществляется на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые предусмотрены в национальном законодательстве, и когда оно не является произвольным. Понятие «произвольность» не синонимично понятию «противозаконность», но его следует толковать более широко, включая в него такие элементы, как ненадлежащий характер, несправедливость, непредсказуемость и несоблюдение судебных гарантий, а также принципы разумности, необходимости и соразмерности (пункт 7.5 Соображений).

Комитет обращает внимание, что право обвиняемого быть судимым без неоправданной задержки призвано не только предотвратить слишком долгое пребывание человека в состоянии неопределенности относительно его судьбы, но и, если он содержится под стражей во время судебного разбирательства, то следует обеспечить, чтобы такое лишение свободы не длилось дольше, чем это абсолютно необходимо в обстоятельствах дела и при этом должно служить интересам правосудия. Кроме того, в случаях, когда суд отказывается в освобождении под залог,

подразделе «Международная практика» за 2023 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/33013/.

Для сведения: в 2023 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлен *Обзор практики Комитета ООН по правам человека по рассмотрению индивидуальных сообщений, поданных в отношении Российской Федерации*. Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/32003/.

обвиняемый должен предстать перед судом в кратчайшие сроки (пункт 7.7 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: принята к сведению претензия авторов по пункту 1 статьи 6 Пакта, согласно которой государство-участник не выполнило свое позитивное обязательство по защите жизни Джилани Дабуси. В данном случае у Джилани Дабуси была диагностирована почечная недостаточность в терминальной стадии, в связи с чем он был переведен на перитонеальный диализ, который проводился по 8–10 часов за ночь 6 дней в неделю, при этом он перенес остановку сердца во время содержания под стражей из-за задержки тюремной администрации с его транспортировкой в больницу. Комитет принял сведению утверждение государства-участника о том, что Джилани Дабуси проходил биологические анализы раз в месяц, в то время как в медицинской справке от 23 февраля 2013 года ему было предписано прохождение специальной консультации у специалиста с проведением биологического теста каждые две недели. Комитет также отметил, что после жалоб, в том числе уголовной жалобы на врачей, которые должны были назначить Джилани Дабуси необходимое лечение, никакого расследования начато не было. Комитет сообщил, что государство-участник не начало расследования и для того, чтобы изучить сообщения о том, каким образом Джилани Дабуси назначалось лечение, от которого зависела его жизнь. В отсутствие какой-либо информации от государства-участника о последующих мерах в связи с этими жалобами Комитет пришел к выводу, что оно не выполнило свою обязанность по защите жизни Джилани Дабуси, который находился под властью государства, в нарушение пункта 1 статьи 6 Пакта (пункт 7.2 Соображений).

Комитет принял к сведению претензии авторов по поводу того, что государство-участник нарушило статью 7 Пакта в отношении Джилани Дабуси в связи с несоответствием условий его содержания под стражей строгим санитарно-гигиеническим требованиям, предъявляемым к лечению, которое он должен был проходить ежедневно. Комитет учел заявление государства-участника о том, что администрация тюрьмы оборудовала помещение для того, чтобы Джилани Дабуси мог проходить сеансы гемодиализа, которые требуют особых санитарно-гигиенических условий. Авторы оспаривали эти утверждения на том основании, что в подкрепление своих утверждений относительно подготовки двух медсестер и предоставления оборудованного помещения для проведения диализа государство-участник не приводит никаких доказательств. С учетом серьезности фактов, которые ставились ему в упрек, и в отсутствие более конкретных доказательств в отношении мер, предположительно принятых государством-участником, Комитет счел, что утверждениям авторов следует уделить должное внимание, поскольку они достаточно обоснованы, и пришел к выводу,

что представленные ему факты свидетельствовали о нарушении прав Джилани Дабуси, предусмотренных в статье 7 Пакта (пункт 7.3 Соображений).

Авторы утверждали, что предварительное заключение Джилани Дабуси, которое длилось тридцать месяцев в условиях отсутствия судебного решения по существу предъявленных ему обвинений, не было соразмерно тяжести преступления и возможной опасности, которую он мог представлять, а также, наряду с этим, противоречило тунисскому законодательству в нарушение пункта 1 статьи 9 Пакта. Они пояснили, что в соответствии со статьей 85 Уголовно-процессуального кодекса Туниса предварительное заключение может быть назначено на срок не более 9 месяцев в случае мелкого правонарушения и не более 14 месяцев в случае преступления. Государство-участник оспаривало утверждение о незаконном характере задержания, заявляя, что оно соответствовало Уголовно-процессуальному кодексу (пункт 7.5 Соображений).

Комитет отметил, что государство-участник ограничилось утверждением о том, что 30-месячное предварительное заключение Джилани Дабуси было законным, не объяснив, однако, допущенных нарушений предельных сроков, предусмотренных статьей 85 Уголовно-процессуального кодекса. Кроме того, государство-участник заявило, что в течение части срока своего содержания под стражей Джилани Дабуси «находился под стражей в распоряжении уголовной палаты», не конкретизируя при этом данное понятие и не приводя его правовой базы. Более того, судебные власти неоднократно продлевали срок предварительного заключения Джилани Дабуси, не предоставляя ни малейшего объяснения в оправдание необходимости держать его в предварительном заключении и видя, что он страдает заболеванием в терминальной стадии, требующим специального лечения. Комитет определил, что Джилани Дабуси содержался в предварительном заключении в течение 30 месяцев, даже несмотря на вынесенные из-за процессуальных изъятий решения по жалобам других обвиняемых, и при этом по существу выдвинутых против него обвинений никакого решения принято не было. Комитет пришел к выводу, что в обстоятельствах данного дела предварительное заключение Джилани Дабуси было произвольным и, следовательно, представляло собой нарушение пункта 1 статьи 9 Пакта (пункт 7.6 Соображений).

Комитет принял к сведению претензию авторов по пункту 3 с) статьи 14 Пакта и напомнил, что в соответствии с этой статьей каждый человек имеет право быть судимым без неоправданной задержки. Комитет отметил, что Джилани Дабуси был задержан 11 октября 2011 года и что до окончания его предварительного заключения 7 мая 2014 года никакого решения относительно обоснованности предъявленных ему обвинений, даже в первой инстанции, вынесено не было. Более того, в судебные органы были направлены – одно за другим – не менее 16 ходатайств о досрочном освобождении Джилани Дабуси или переносе слушаний по его делу на более

ранние сроки на том основании, что состояние его здоровья находилось в непосредственной опасности, и все они были безосновательно отклонены и даже не приняты во внимание. Однако государство-участник не привело никаких конкретных причин, оправдывающих как отклонение этих просьб об освобождении, так и задержку с вынесением судебного решения в первой инстанции по обвинениям против Джилани Дабуси. Комитет учел тот факт, что, поскольку речь идет о коррупционном деле, в котором фигурируют не только Джилани Дабуси, но и другие лица, которые воспользовались своими процессуальными правами, процедура могла занять некоторое время. Он заметил, что эти процессуальные возражения выдвинул не Джилани Дабуси и что он даже отказался от своего права на подачу кассационной жалобы в надежде ускорить процедуры, чтобы добиться вынесения решения по существу дела. Комитет признал, что задержка с вынесением судебного решения по его делу усугубляется тем, что он содержался в предварительном заключении непрерывно и что Джилани Дабуси имел серьезные проблемы со здоровьем. В свете представленной ему информации и в отсутствие удовлетворительных объяснений со стороны государства-участника Комитет пришел к выводу о том, что имело место нарушение пункта 3 с) статьи 14 Пакта (пункт 7.7 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении пункта 1 статьи 6, статьи 7, пункта 1 статьи 9 и пункта 3 с) статьи 14 Пакта (пункт 8 Соображений).

[Дело «Рахилхан Бизуруков против Кыргызстана»](#). Соображения Комитета ООН по правам человека от 12 июля 2023 года. Сообщение № 3001/2017. Автор утверждал, что государство-участник нарушило права ее мужа в связи с тем, что медицинский персонал места принудительного содержания ее мужа не оказал ему надлежащей медицинской помощи, что привело к его смерти. Комитет установил, что представленная ему информация свидетельствовала о нарушении государством-участником прав мужа автора, предусмотренных пунктом 1 статьи 6 и пунктом 1 статьи 10 Пакта.

Правовые позиции Комитета: обязанность обеспечивать задержанным право на жизнь возлагается на государства и что сами задержанные не обязаны просить о защите. Государства-участники несут повышенное обязательство заботиться о принятии любых необходимых мер для защиты жизни лиц, лишенных свободы государством, поскольку, подвергая лиц аресту, задержанию, заключению или иным образом лишая их свободы, государства-участники берут на себя ответственность за заботу об их жизни и физической неприкосновенности, при этом для уменьшения такой ответственности они не могут ссылаться на отсутствие финансовых ресурсов или другие материально-технические проблемы. Государство-участник должно знать о состоянии здоровья заключенных в государственных местах содержания под стражей в той мере, в какой это можно обоснованно предположить (пункт 7.3 Соображений).

Комитет напоминает, что гуманное обращение со всеми лицами, лишенными свободы, при уважении их достоинства, является основополагающим правилом универсального применения. Они не должны испытывать иных лишений и тягот помимо тех, которые являются неизбежным следствием лишения свободы; с ними необходимо обращаться гуманно в соответствии с [Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными Организации Объединенных Наций](#). В соответствии с [Принципами медицинской этики, относящимися к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания](#), медицинский персонал, в особенности врачи, обеспечивающие медицинское обслуживание заключенных или задержанных лиц, обязаны охранять их физическое и психическое здоровье и обеспечивать лечение заболеваний такого же качества и уровня, какое обеспечивается лицам, не являющимся заключенными или задержанными (пункт 7.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: необходимо было определить, нарушило ли государство-участник свои обязательства по пункту 1 статьи 6 и пункту 1 статьи 10 Пакта в связи со смертью г-на Бизурукова в результате неадекватного медицинского лечения. Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что 9 июля 2011 года ее муж был переведен из изолятора временного содержания в СИЗО № 5 в Оше, где он содержался под стражей до своей смерти 1 сентября 2011 года. Она отметила, что с момента поступления в СИЗО № 5 и до дня, предшествующего смерти, г-н Бизуруков жаловался медицинскому персоналу на свое здоровье, а именно на боли в почках и мочевыводящих путях, а также на трудности с мочеиспусканием. Комитет заявил, что в период с 9 июля по 1 сентября 2011 года г-н Бизуруков только один раз посетил уролога, который поставил диагноз «доброкачественная гиперплазия предстательной железы» и рекомендовал ему сделать операцию по удалению аденомы простаты. Комитет указал, что, несмотря на свое состояние, г-н Бизуруков оставался практически без внимания медицинского персонала в СИЗО № 5, и за ним ухаживал в основном его сын (который также содержался там), в том числе когда ему пришлось применять мочевой катетер для опорожнения мочевого пузыря г-на Бизурукова после того, как последний не мог помочиться в течение нескольких дней. Комитет принял к сведению заявление государства-участника о том, что Государственная служба исполнения наказаний провела уголовное расследование по факту смерти г-на Бизурукова и что начальник медсанчасти была оправдана по всем пунктам обвинения Верховным судом (пункт 7.2 Соображений).

На основании документов, представленных ему автором, Комитет отметил, что судебно-медицинская экспертиза установила: г-н Бизуруков страдал хронической ишемической болезнью сердца. Комитет обратил внимание на то, что это не было известно медицинскому персоналу

СИЗО № 5, поскольку он никогда не жаловался на проблемы с сердцем и, как установила Государственная служба исполнения наказаний в ходе своего расследования, поскольку он не был обследован на предмет сердечных заболеваний, несмотря на его возраст и другие жалобы на здоровье. Комитет счел, что, учитывая общее состояние здоровья и возраст г-на Бизурукова, а также серьезность его жалоб, надлежащим образом функционирующая медицинская служба в СИЗО № 5 могла и должна была обеспечить ему регулярное наблюдение и необходимую медицинскую помощь, чтобы предотвратить внезапное ухудшение состояния его здоровья. Соответственно, Комитет пришел к выводу: государство-участник не приняло надлежащих мер по защите жизни г-на Бизурукова в период его пребывания в СИЗО № 5 (пункт 7.3 Соображений).

В связи с жалобой автора по пункту 1 статьи 10 Пакта Комитет отметил, что государство-участник не оспорило представленную автором информацию об условиях содержания г-на Бизурукова под стражей и не представило никакой информации об обращении с ним во время содержания под стражей. Комитет признал нарушение прав г-на Бизурукова по пункту 1 статьи 10 Пакта (пункт 7.4 Соображений).

Выводы Комитета: представленная информация свидетельствовала о нарушении государством-участником прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 6 и пунктом 1 статьи 10 Пакта (пункт 8 Соображений).

Дело «А.С. против Австралии». Соображения Комитета ООН по правам человека от 2 июля 2021 года. Сообщение № 2900/2016. Автор утверждал, что его права нарушены государством-участником в результате его произвольного содержания в течение неопределенного срока в тюрьме строгого режима, где его потребности, обусловленные его инвалидностью, не могли быть удовлетворены. Заявитель сообщил, что его дальнейшее содержание под стражей являлось произвольным, поскольку оно основано на его психическом нарушении, а не на осуждении по уголовному делу. Он заявил, что обстоятельства его содержания под стражей равносильны пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию и лишают его права на гуманное и достойное обращение. Заявитель указал также на нарушение его прав, поскольку государство-участник не предоставило ему реабилитационных услуг. Он утверждал, что его перевод в исправительный центр Дарвина был равносителен произвольному вмешательству в его семейную жизнь, поскольку его больше не могли навещать члены его семьи и он не имел контактов со своей более широкой семьей, то есть со своими соотечественниками, содержащимися в исправительном центре. Комитет заявил, что представленные ему факты свидетельствовали о нарушении государством-участником статьей 7, пунктов 1 и 4 статьи 9, пункта 3 статьи 10 и статьи 17 Пакта.

Правовые позиции Комитета: арест или содержание под стражей могут соответствовать внутреннему законодательству, но быть тем не менее произвольными. Понятие «произвольность» не следует приравнивать к понятию «противозаконность», а следует толковать более широко, включая в него элементы неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и несоблюдения процессуальных гарантий, наряду с элементами

целесообразности, необходимости и соразмерности.... [Е]сли государства-участники применяют содержание под стражей по мотивам безопасности (иногда оно называется административным задержанием или арестом) вне связи с преследованием по уголовному обвинению, то, по мнению Комитета, такое содержание сопряжено с серьезным риском произвольного лишения свободы. Если в самых исключительных обстоятельствах в оправдание содержания под стражей лиц, которые якобы представляют подобную угрозу, делается ссылка на реальную, прямую и серьезную угрозу безопасности, то на государства-участниках лежит бремя доказывания того, что данное лицо действительно создает подобную угрозу и ее нельзя отвести при помощи альтернативных мер, и такое бремя возрастает по мере увеличения продолжительности содержания под стражей. Государства-участники также должны продемонстрировать, что содержание под стражей не превышает срока, который представляется абсолютно необходимым, что общая продолжительность возможного содержания под стражей ограничена и что во всех случаях они в полной мере соблюдают гарантии, предусмотренные в статье 9 Пакта. Оперативный и регулярный пересмотр судом или иным судебным органом, обладающим всеми качествами независимой и беспристрастной судебной власти, служит необходимой гарантией соблюдения этих требований (пункт 8.3 Соображений).

[Д]олжна существовать определенная связь между основаниями для лишения свободы и местом и условиями содержания под стражей (пункт 8.6 Соображений).

Комитет считает, что, как правило, именно органы государств-участников должны рассматривать и оценивать факты и доказательства, если только не может быть установлено, что оценка была явно произвольной или каким-либо иным образом равносильной отказу в правосудии (пункт 8.7 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: касаясь утверждений автора по статье 9 Пакта Комитет принял к сведению заявление автора о том, что его содержание под стражей было произвольным, поскольку в течение большей части срока его содержания под стражей власти не обеспечили ему в охраняемом попечительском учреждении подходящего помещения, соответствующего его инвалидности. Комитет учел в этом отношении позицию автора, согласно которой тюремная среда не подходит для реабилитации и ухода за неосужденными лицами с психическими нарушениями. Комитет принял во внимание заявление автора о том, что в связи с неопределенным сроком действия приказа об осуществлении надзора в условиях лишения свободы и отсутствием обязательного пересмотра этого приказа через регулярные промежутки времени его лишение свободы стало несоразмерным. Комитет отметил, что государство-участник оспаривало утверждение о том, что содержание автора под стражей было произвольным, поскольку оно имело объективные и разумные основания. Государство-участник отметило, что Верховный суд

регулярно пересматривал дело автора, что был составлен план поведенческой поддержки и что менее строгие меры применялись всякий раз, когда ситуация автора позволяла это сделать (пункт 8.2 Соображений).

Комитет учел, что первоначальный период лишения автора свободы в исправительном центре был основан на решении Верховного суда от 15 октября 1996 года в соответствии со статьей 382 (пункт 2) Закона об Уголовном кодексе Северной территории, действовавшего в то время. За этим последовало решение Администратора⁴ от 27 сентября 2001 года, в котором Администратор распорядился содержать автора в том же учреждении. Часть ПА Закона об Уголовном кодексе вступила в силу 15 июня 2002 года и в соответствии с переходными положениями раздела 6 Закона о внесении изменений автор, будучи оправданным по причине «невменяемости» в соответствии с отмененными положениями и согласно приказу о содержании под стражей, обеспечивающем безопасность (до принятия решения Администратором) считался поднадзорным лицом, содержащимся под стражей на тех же основаниях и условиях, что и в соответствии с приказом об осуществлении надзора за находящимся под стражей лицом по смыслу части ПА Закона об Уголовном кодексе. Комитет отметил, что у него не было оснований сомневаться в оценке властей страны, согласно которой автор страдал психическими нарушениями и в силу состояния его здоровья его случай подпадал под действие вышеупомянутого специального законодательства (пункт 8.4 Соображений).

Комитет констатировал, что после вступления в силу Закона о внесении изменений не было издано никакого официального приказа об осуществлении надзора за автором в условиях лишения свободы. Хотя Верховный суд провел пересмотр дела в августе 2003 года в соответствии с пунктом 3 статьи 6 Закона о внесении изменений и 10 сентября 2003 года было вынесено решение, это произошло с шестимесячной задержкой. Кроме того, вопреки статье 43ZG Закона об Уголовном кодексе срок действия приказа об осуществлении надзора не был установлен, и ближе к концу этого срока должен был быть проведен обязательный пересмотр. Хотя в 2007 году Суд постановил, что, несмотря на эти недостатки, решение от 2003 года соответствовало применимым положениям закона, Комитет подчеркнул, что в результате такого толкования минимальный срок надзора за автором так и не был установлен, а единственный обязательный пересмотр состоялся в 2003 году. Комитет отметил, что, хотя отчеты по-прежнему должны представляться в Суд через регулярные промежутки времени, тем не менее именно Суд решает, следует ли проводить пересмотр. До этого момента процедуры не являются состязательными, а это означает, что важные гарантии хабеас корпус согласно пункту 4 статьи 9 Пакта, такие как доступ к информации и право оспаривать доказательства, отсутствовали. Несмотря на то, что в данном

⁴ Администратор Северной территории.

случае заслушивания доказательств, по-видимому, имели место, они датируются только 2014 годом, и Комитету не было представлено никакой информации, позволяющей предположить, что автор был заслушан в этих случаях (пункт 8.5 Соображений).

Комитет подчеркнул, что автор содержался в тюрьмах строгого режима с августа 1995 года по 7 февраля 2017 года, за исключением короткого периода в 2013/14 году. Комитет признал важность справедливого баланса между интересами человека и общественной безопасностью и то, что эксперты регулярно информировали Верховный суд о положении автора. Комитет не смог принять аргумент государства-участника о том, что автор в данном деле постоянно получал надлежащий уход, даже когда он не находился в охраняемых попечительских учреждениях, которые, бесспорно, лучше подходят для удовлетворения его потребностей. Комитет отметил, что Верховный суд в своем решении от 2003 года особенно четко высказался по этому вопросу, постановив, что ресурсы, имеющиеся в исправительном центре Алис-Спрингса, не подходят для содержания автора и ухода за ним. Этот вывод был подтвержден Австралийской комиссией по правам человека в 2014 году. Комитет принял к сведению улучшение условий содержания автора под стражей всякий раз, когда он помещался в охраняемое попечительское учреждение, и усилия всех лиц, обеспечивавших уход за автором, включая реализацию плана поддержки. Это в итоге привело к тому, что Верховный суд изменил надзор за ним в условиях лишения свободы на надзор, не связанный с лишением свободы, он в то же время счел, что эти изменения не могли объяснить незаконность периодов, проведенных в условиях тюрьмы строгого режима в течение столь длительного времени. Комитет отметил, что предполагаемая нехватка ресурсов не может освобождать государство-участник от его обязательств в этом отношении (пункт 8.6 Соображений).

Исходя из представленных Комитету материалов, Комитет признал, что государство-участник не смогло доказать, что законные цели надзора за автором в условиях лишения свободы не могли быть достигнуты путем применения менее радикальных средств, чем его дальнейшее содержание в тюрьме строгого режима, особенно с учетом того, что в соответствии с пунктом 3 статьи 10 Пакта государство-участник несло постоянное обязательство принимать значимые меры для перевоспитания автора в течение почти 20 лет, в течение которых он находился в условиях тюрьмы строгого режима. Комитет решил, что содержание автора под стражей было произвольным и, таким образом, противоречило гарантиям, предусмотренным пунктом 1 статьи 9 Пакта... Комитет отметил, что неспособность автора оспорить наличие материально-правового обоснования для продолжения его содержания под стражей по превентивным причинам явилась нарушением его прав, предусмотренных статьей 9 (пункт 4) Пакта (пункт 8.7 Соображений).

С учетом того факта, что жалобы автора в значительной степени были связаны с недостаточностью предполагаемых услуг по перевоспитанию и реабилитации на протяжении большей части срока его содержания под стражей, Комитет также признал отдельное нарушение пункта 3 статьи 10 Пакта (пункт 8.8 Соображений).

Комитет принял к сведению утверждения автора о предполагаемом жестоком обращении с ним в соответствии со статьями 7 и 10 (пункт 1) Пакта и информацию, представленную ему государством-участником в ответ на эти утверждения, а именно: автор содержался в условиях, отличающихся от общих условий в исправительном центре; не было никаких доказательств того, что автор подвергался жестокому обращению со стороны персонала; его превентивное заключение было обосновано соображениями безопасности. Комитет счел, что эти факторы не лишают силы неоспоренное утверждение автора о негативном воздействии, оказанном на него в результате осуществления надзора за ним в условиях лишения свободы, минимальный срок которого оставался неопределенным на протяжении всего времени. Кроме того, сам факт того, что автор предпочел изоляцию содержанию с другими заключенным, в результате которого он в большей степени подвергался бы оскорблениям, не обязательно делает его изоляцию законной. Скорее, это свидетельствовало об ограниченности его выбора в условиях тюремного заключения, которые не учитывали его патологии. В этих обстоятельствах Комитет счел, что ненадлежащие условия содержания автора под стражей на протяжении большей части срока в сочетании с бессрочным характером его содержания под стражей и отсутствием обязательного пересмотра в рамках состязательного процесса в совокупности нанесли ему серьезный психологический вред и представлял собой обращение, противоречащее статье 7 Пакта (пункт 8.9 Соображений).

Комитет принял к сведению утверждение автора по пункту 1 статьи 17 и статьи 23 Пакта, в частности о том, что он имел ограниченные контакты со своей семьей в исправительном центре и что возможностей для таких контактов стало еще меньше, когда его перевели в Дарвин. Комитет учел заявление государства-участника о том, что в 2013 году в общей сложности 11 членам семьи автора неоднократно оказывалась поддержка в посещении автора и что, пока он находился в попечительском учреждении Алис-Спрингса, он имел возможность участвовать в предусмотренных для него программах вместе со своей сестрой. В этой связи Комитет отметил, что в его распоряжении недостаточно информации для того, чтобы сделать вывод о том, что обстоятельства перевода автора в Дарвин действительно легли несоразмерным бременем на его семейную жизнь, учитывая тот факт, что целью перевода автора, по-видимому, был поиск подходящего учреждения для его терапевтического лечения, о чем свидетельствует его последующий и постепенный прогресс. Поэтому Комитет ограничил свое рассмотрение периодом содержания автора в исправительном центре Алис-Спрингса. В этой связи Комитет отметил, что, как показывают меры,

принятые в 2013 и 2014 годах, в распоряжении государства-участника имелись определенные меры для облегчения контактов автора с его семьей. Комитет заметил, что такая поддержка была оказана автору в то время, независимо от возражения государства-участника о том, что статья 17 Пакта не предназначена для охвата связей, которые не существовали на момент предполагаемого нарушения. Комитет сообщил, что в его распоряжении не было информации, позволяющей предположить, что до 2013 года были приняты какие-либо аналогичные меры, хотя они могли бы быть особенно полезны для автора. Ввиду отсутствия какой-либо информации, касающейся этого особенно длительного периода (с августа 1995 года по 2013 год), Комитет подчеркнул, что жалобы автора выходят за рамки бремени, присущего содержанию под стражей, и пришел к выводу о том, что имело место нарушение статьи 17 Пакта (пункт 8.10 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении государством-участником статей 7, пунктов 1 и 4 статьи 9, пункта 3 статьи 10 и статьи 17 Пакта (пункт 9 Соображений).

практика Комитета ООН по правам инвалидов⁵

См. нижеприведенное [дело «С.М. против Дании»](#). Соображения Комитета ООН по правам инвалидов от 25 августа 2023 года. Сообщение № 61/2019.

⁵ Комитет ООН по правам инвалидов (далее – Комитет) действует на основании Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 года. Российская Федерация является участником указанного международного договора. По состоянию на 1 августа 2024 года Российская Федерация компетенцию Комитета на принятие индивидуальных сообщений не признавала.

Для сведения: в 2023 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлен *Обзор практики Комитета ООН по правам инвалидов, связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений*. Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2023 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/32305/.

право лица на уважение семейной (личной) жизни при нахождении в местах принудительного содержания⁶

практика Комитета ООН по правам человека

См. вышеприведенное [дело «А.С. против Австралии»](#). Соображения Комитета ООН по правам человека от 2 июля 2021 года. Сообщение № 2900/2016.

В сфере уголовно-процессуальных отношений

право лица на жизнь в аспекте проведения эффективного расследования смерти лица в местах принудительного содержания⁷

практика Комитета ООН по правам человека

См. вышеприведенное [дело «Анни Дабуси, Сами Дабуси и Сара Дабуси против Туниса»](#). Соображения Комитета ООН по правам человека от 14 июля 2023 года. Сообщение № 3703/2020.

⁶ Для сведения: в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/28123/

⁷ Для сведения: в 2021 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на жизнь*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2021 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/30129/

право лица на свободу и личную неприкосновенность, в том числе в аспекте соблюдения разумных сроков содержания под стражей в ожидании приговора суда⁸

практика Комитета ООН по правам человека

См. вышеприведенное [дело «Анни Дабуси, Сами Дабуси и Сара Дабуси против Туниса»](#). Соображения Комитета ООН по правам человека от 14 июля 2023 года. Сообщение № 3703/2020.

См. также вышеприведенное [дело «А.С. против Австралии»](#). Соображения Комитета ООН по правам человека от 2 июля 2021 года. Сообщение № 2900/2016.

право лица на справедливое судебное разбирательство в аспекте соблюдения разумных сроков судопроизводства⁹

практика Комитета ООН по правам человека

См. вышеприведенное [дело «Анни Дабуси, Сами Дабуси и Сара Дабуси против Туниса»](#). Соображения Комитета ООН по правам человека от 14 июля 2023 года. Сообщение № 3703/2020.

⁸ Для сведения: в 2020 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права обвиняемого на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании суда*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2020 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/28713/

⁹ Для сведения: в 2017 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2017 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/26329/.

применение принудительных мер медицинского характера

практика Комитета ООН по правам инвалидов

Дело «С.М. против Дании». Сообщения Комитета ООН по правам инвалидов от 25 августа 2023 года. Сообщение № 61/2019. Автор утверждал, что государство-участник нарушило его права, предусмотренные статьей 14 Конвенции о правах инвалидов, поскольку он был лишен свободы на основании психосоциальной инвалидности. Его приговорили к принудительному лечению без ограничения срока, в то время как лица, осужденные за то же преступление и не имеющие психосоциальной инвалидности, получают гораздо более короткий срок заключения. Заявитель сообщил, что государство-участник нарушило статью 15 Конвенции, поскольку во время его пребывания в психиатрической клинике его заставляли принимать определенные лекарственные препараты без его согласия. Автор заявил, что методы принудительного лечения психиатрических больных в государстве-участнике нарушают положения статьи 16 Конвенции, рассматриваемой в совокупности со статьей 4 Пакта. Автор утверждал, что его заставили принимать лекарственные препараты без его свободного согласия в нарушение статьи 17 Конвенции. Комитет счел, что государство-участник не выполнило свои обязательства по статьям 14 и 17 Конвенции, рассматриваемым в совокупности со статьей 25 Конвенции о правах инвалидов.

Правовые позиции Комитета: свобода и личная неприкосновенность являются одним из наиболее ценных прав, которыми наделен каждый человек. В частности, все люди с инвалидностью, и особенно лица с интеллектуальными и психосоциальными нарушениями, имеют право на свободу в соответствии со статьей 14 Конвенции (пункт 9.2 Сообщений).

Комитет также напоминает, что принудительное лечение психиатрическими и другими специалистами в области здравоохранения и медицины является нарушением права на личную неприкосновенность (пункт 9.4 Сообщений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: принято во внимание, что 30 июня 2016 года окружной суд назначил автору сообщения лечение в психиатрическом стационаре, признав его «невменяемым» в момент совершения преступлений. Комитет отметил, что окружной суд применил пункт 1 статьи 16 Уголовного кодекса, которая предусматривает, что лица, находящиеся в невменяемом состоянии вследствие психического расстройства или аналогичного состояния на момент совершения деяния, не подлежат наказанию. Комитет заявил, что окружной суд, таким образом, применил статью 68 Уголовного кодекса, прямо предусматривающую возможность принятия решения о помещении лица в больницу «для душевнобольных или в учреждение для лиц с тяжелыми психическими расстройствами». Комитет учел довод государства-участника о том, что возможность применения к правонарушителям альтернативных мер воздействия и, таким образом, различие между наказанием и лечением обусловлено потребностями категории правонарушителей, на которую распространяется действие статьи 16 Уголовного кодекса. Комитет напомнил, что лечение является санкцией социального контроля и должно

быть заменено формальными уголовными санкциями в отношении правонарушителей, причастность которых к преступлению установлена. Процедура, примененная при решении вопроса о том, следует ли назначать данному лицу лечение, не соответствовала тем гарантиям, которые должны предоставляться в рамках уголовного судопроизводства, если оно может привести к применению к какому-либо лицу той или иной меры наказания. Таким образом, назначение лечения несовместимо со статьей 14 Конвенции. Комитет заявил следующее: хотя государство-участник утверждало, что автор сообщения имел право на постоянный судебный и медицинский контроль и что окружной суд решил не устанавливать максимальный срок лечения в целях профилактики в соответствии с пунктом 2 статьи 68А Уголовного кодекса, государство-участник не оспорило довод автора о том, что решение не устанавливать максимальный срок подвергло его риску гораздо более длительного наказания, чем то, которое было бы назначено правонарушителю, не признанному «невменяемым». Комитет счел, что назначение автору принудительного психиатрического лечения было нарушением его прав, предусмотренных статьей 14 Конвенции (пункт 9.2 Соображений).

Комитет пришел к выводу, что автор не обосновал свое утверждение о том, что в отношении него не была применена презумпция невиновности, а также о том, что сроки предъявления ему обвинений, решение о вынесении ему приговора, несмотря на предварительное решение о снятии некоторых обвинений, а также предполагаемый отказ окружного суда рассмотреть заключительные замечания Комитета нарушают его права, предусмотренные статьей 14 Конвенции. Комитет отметил, что, хотя автор утверждал, что он не был заслушан «должным образом» и ему не была предоставлена возможность изложить свои взгляды в письменном виде, решение окружного суда содержало подробное и обстоятельное описание представленных им материалов. Комитет указал, что заявитель был представлен адвокатом в окружном суде, Высоком суде и Совете по разрешению апелляций. Таким образом, на основании имеющейся в деле информации Комитет не смог сделать вывод о том, что права автора по статье 14 Конвенции были нарушены (пункт 9.3 Соображений).

Комитет принял к сведению аргумент автора по статье 17 Конвенции о том, что его заставили принимать лекарственные препараты без его согласия. Комитет напомнил, что ранее он уже выражал свою обеспокоенность по поводу применения принудительного лечения в связи со статьями 17 и 25 Конвенции. Комитет определил, что принудительное введение автору препарата «Цисординол» в период с марта по сентябрь 2017 года вызвало у него акатизию. Комитет указывал, что это заставляло автора постоянно двигаться и что это было настолько мучительно, что вызывало у него суицидальные настроения, в результате чего лечащий врач решил сменить данный лекарственный препарат. Комитет счел, что принудительное введение автору лекарственного препарата, причинявшего ему страдания

вплоть до мыслей о самоубийстве, было нарушением его прав по статье 17 Конвенции, рассматриваемой в совокупности со статьей 25 Конвенции (пункт 9.4 Соображений).

Выводы Комитета: государство-участник не выполнило свои обязательства по статьям 14 и 17 Конвенции, рассматриваемым в совокупности со статьей 25 Конвенции (пункт 10 Соображений).

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами Организации Объединенных Наций, размещены по адресу:

URL: <https://www.ohchr.org/en/treaty-bodies/videos-about-treaty-bodies>.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.